Отар КУШАНАШВИЛИ

АЛЕКСАНДР БАРЫКИН. "НИКОГДА НЕ ПОЗДНО". "ИНДИ РЕКОРДС" – "СОЮЗ"

В доизаурное время страсти тоже были ничего

Моск. правда. – 1995. – 31 марта. – С. 16

Личность **Барыкина** – с тех пор, как я сподобился коротко узнать маэстро, – мне удобнее всего и приятнее всего охарактеризовать двумя словами: "стильная и простая".

Барыкин умеет петь. Барыкин магнитен как человек. У Барыкина работает **Дима Федякин** – набирающий обороты юный, но не по летам хваткий менеджер (круче него на нонешнем пестром рынке только **Женя Фридлянд**, изумивший публику тем, что за ничтожный отрезок времени влюбил в Валеру Меладзе половину России). Вот, собственно: если надо причину, то это причина. Вернее, причины.

Барыкин из того же теста, что и мы, но его замес будет покруче.

Предупреждаю: рецензия сверхсубъективная, пропитана обожанием.

"Любовь моя". Про А.Б. давно известно, что лирика – его естественная среда обитания. А мысль, что Единственная есть свет в окошке, – та мысль, которую А.Б. умеет трепетно интерпретировать. Вещь сугубо авторская. Мне особенно импонирует, как Саша выдыхает фразу "свет Божий": он тянет последнее слово, и что-то екает в груди.

"Месяц май". Федякин в первую голову, пол-Москвы во вторую подтвердят: только прослушав этот **хит**, я кинулся звонить, сдобрив речуги свои веселящими абонентов матеро-восторженными идиомами и изобильными междометиями. Могу объяснить: был сироп за копейку, была сирень, был школьный звонок, потом аллеи парка, ты нес ее портфель, испуганно озираясь, и, как бы невзначайно щурился, когда порыв майского ветра раздувал ее платье...

"Звездный корабль". Этого романтизма с налетом духа ранних времен уже нет. Корабли такие – есть.

"Три розы". В силу моей хорошо известной утонченной публике склонности к кокетливой рефлексии я особенно тронут строчкой "осень в саду, и тебя со мною нет". Дорога также тональность, напоминающая тебе про ахи-вздохи и многогрешность. Три розочки – как возвращение лучших минут.

"Рыбка". Она может принести счастье, но для этого надобно расположить ее, строптивую, к себе. Но это-то и самое многотрудное: фальшь рыбка раскусит.

"Улыбнись". Саша, уверяющий, что "всем нужна твоя улыбка!", ты, прав, черт нас с тобой подери. Будни выражают нам "фи", но нас так просто не оглушить. Тягость одолеем кипучестью и доброй энергетикой.

"Птица-душа". Тут, на этом пятачке, Б. может позвонить другому Б. – Бродскому и сказать: дошел, в чем сила строки твоей, Маэстро. Давай пожмем, вишь, друг другу длани: бо романс я отписал – отпел таковский, в который врубиться тебе сам Бог велел.

"Аэроплан". День Победы приближали, как могли. В том числе фортелями, в которых, на первый взор, было одно сплошное безумие. Аэроплан – вызов косности и попытке обрыдлой среде задавить нас.

"Маша". Вот уж не знал, что в Саше живет такой тонкий сатирик. Маша, которая предпочитает жить с кошельками тугими, в полной заднице вследствие такого выбора. Нормального парня уже не вернуть, а эти... так, шушера, в забаве видящая цель своей общественно-туалетной жизни. Так-то, Маша, предупреждали тебя Саша, Дима, Вадик и Оська.

"Музыка ржавых кастрюль". Забавный рок-н-ролл. Удовлетворение от шутки.

"Где мой дом?" – вопрос вопросов. Не станем упрощать: ответ за облаками.

"Бродяга". Это, между прочим, группа крови, вовсе не статус. За эту формулировку автор просит в течение ближайших шестидесяти семи лет полагать его исключительно умным типом, а Саше Барыкину, сподвигнувшему автора на сие формульное озарение, просит удвоить гонорар.

Но никакой гонорар не будет эквивалентом уважения к тому, кого продинамила "Овация", но кого не динамят те, кто разумеет смысл в Музыке.

PERFECT LOVE SONGS

АЛЕКСАНДР БАРЫКИН Фото Александра ВОЛОДИНА.